

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

Легендарный пограничник Никита Фёдорович Карацупа всю жизнь посвятил охране государственной границы. Ещё при жизни он стал примером для всех пограничников нашей страны. В 30-е годы XX века имя Никиты Карацупы знали почти все. Он был кумиром миллионов. По количеству задержанных нарушителей Никите Карацупе нет равных и по сегодняшний день...

В книгах «Жизнь моя – граница», «Записки следопыта» легендарный герой-пограничник рассказывает о своей службе. Эти книги – о детстве героя-пограничника, о его становлении, как следопыта. Это его последнее слово, по сути, завещание новым поколениям воинов границы.

Сегодня мы представляем отрывки из его увлекательной книги для детей «Жизнь моя – граница», в которой автор вспоминает, как он с верной овчаркой Ингусом задержал не один десяток нарушителей и диверсантов.

Своего первого Ингуса Никита Карацупа нашёл, вырастил и воспитал сам ещё в пограничной школе. Там новичку собаки не досталось: всех разобрали.

Вот как об этом рассказывает сам автор (литературная запись писателя Виталия Захарова):

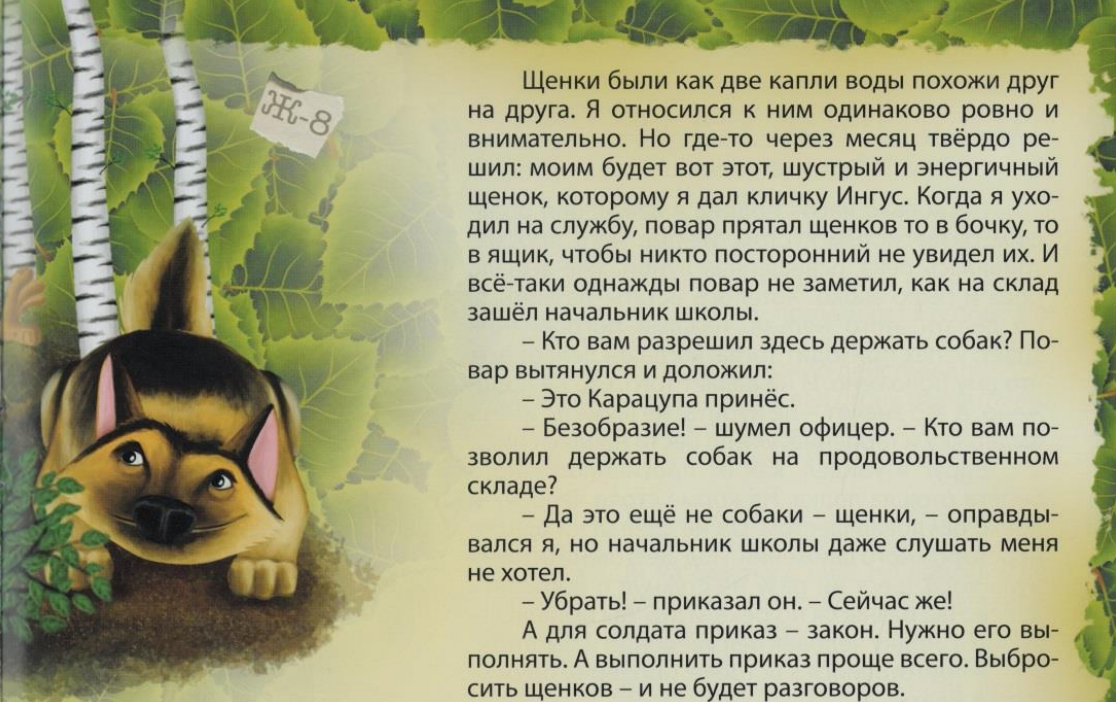
ВЕРНЫЙ ПОМОЩНИК

Под мостом слышалась тихая возня, раздавались какие-то неясные звуки. Осторожно спустился по откосу к самой воде. Там что-то шевелилось. Я внимательно присмотрелся и увидел двух щенков. Взял их на руки. Щенки жалобно пищали и тыкались в мою щеку. Они дрожали от вечерней сырости. Я расстегнул гимнастерку, сунул их за пазуху и отправился в школу. Под большим секретом рассказал о щенятах повару. Мы их накормили, закутали в одеяло, и они заснули у нас на руках.

– Хорошие будут овчарки, – не мог я нарадоваться. – Но вот куда их девать сейчас?

– Пусть у меня живут на складе, – решил повар, – подальше от глаз начальства, а там что-нибудь придумаем.

Теперь у меня появились приятные хлопоты: как только выдавалась свободная минута, я приходил на склад, чтобы посмотреть на своих питомцев, покормить их.

– Товарищ начальник школы, – обратился я к офицеру, – разрешите мне хотя бы одного оставить, – и показал на Ингуса. – Посмотрите, как у него уши стоят...

Ингус, услышав свою кличку, действительно поставил уши торчком и посматривал то на офицера, то на меня. Начальник школы глянул на Ингуса и не сдержался:

– Смотри-ка, и правда.

Начальник школы был человеком суровым, но добрым. К тому же он любил собак и понимал в них толк. И он согласился: пусть живёт, только следует щенка перевести в вольер и, как солдата, зачислить на довольствие. То есть собака будет получать солдатский паёк: мясо, крупы, из которых будут готовить пищу.

Второго щенка отдали сыну начальника школы.

Я в тот день был самым счастливым человеком на свете: сбылась моя мечта. У меня, как и у других проводников, появилась собака. От радости я даже расцеловал Ингуса. Ингус тоже не остался в долгу: лизнул меня в лицо.

Не ошибся я в выборе: верой и правдой служил мне Ингус, сколько раз выручал и спасал! Вместе мы мёрзли в морозы, выслеживая нарушителей, вместе мокли под проливным дождём, изнемогали от жары.

За три года службы на дальневосточной границе я вместе со своим четвероногим другом пробыл в нарядах более 5000 часов, что значит 208 суток без сна и отдыха, и прошёл, преследуя врага, около 16 тысяч километров, это, примерно, расстояние от Хабаровска до Москвы и обратно.

ПОЕДИНОК НА ОСТРОВЕ

Несколько часов подряд я лежал под большим развесистым кустом. Из-под него просматривалась река, освещённая луной. Уже выпала роса и было зябко. Хотелось встать, размяться, но делать этого нельзя. Каждый пограничник знает: успех приходит тогда, когда он делает всё, что ему положено. И не делает того, что не положено. А это значит – не курить, не шуметь, иметь выдержку и терпение, уметь вести наблюдение.

Вдруг я увидел, как от противоположного берега отошла лодка. На корме стоял человек и ловко орудовал шестом. Он не сделал ни одного неосторожного движения. Под шестом не всплеснула вода, шест ни разу не стукнул о борт: звук далеко бы разнёсся по реке, и это бы выдало лазутчика. Лодку человек вёл уверенно и быстро.

Я приготовился к встрече: проверил оружие и стал ждать.

Едва лодка коснулась песчаной отмели, пристав под нависшими над водой тальниками, человек выпрыгнул из неё, вытащил из-за пазухи оружие и, озираясь по сторонам, направился в глубь острова.

– Фас! – я спустил Ингуса. Овчарка крупными прыжками устремилась к отмели. Я поспешил следом, маскируясь так, чтобы нарушитель не мог видеть меня. А мне нужно было видеть нарушителя. Так всегда поступают пограничники. Когда оставалось несколько метров до цели, я услышал звук выстрела. Овчарка взвизгнула, и я понял, что она ранена.

Ингус жалобно поскуливал в кустах. Пригнувшись так, чтобы тень не падала на землю, я пробирался сквозь кустарники, стараясь, чтобы не качались ветки. Вот уже и толстое дерево, за которым спрятался диверсант. Для безопасности я тоже встал за ствол векового дуба и крикнул:

– Стой! Ни с места!

Диверсант был опытным и отличным стрелком. Он выстрелил на голос, потому что меня ещё не успел увидеть. Пуля просвистела рядом. На землю полетели срезанные листья. Затем ещё прозвучали два выстрела.

Я не отвечал, потому что вёл подсчёт выстрелам нарушителя. Я уже определил систему

оружия врага, знал, сколько у него в обойме патронов. И выжидал того момента, когда он начнёт перезаряжать оружие.

Выставив из-за ствола шлем на палке, я почувствовал, что пуля его сразу же продырявила. Резко опустил шлем в траву: мол, смотри, я убит. И стал ждать: не клонет ли на эту приманку лазутчик. Но тот не торопился подходить к убитому. Осторожничал. Выжидал. Что ж, тогда нужно действовать.

Скрываясь за деревом, я вёл огонь расчётливо. Конечно, мог бы сразить врага с первого выстрела. Но он мне нужен был живым. И его следует захватить.

Наконец-то я отметил: остался один патрон, надо заставить врага сделать последний выстрел и тогда смело идти на схватку с ним. Но лазутчик не сделал этого последнего выстрела, а пригнувшись, перебежал к соседнему дереву.

– Стой! – теперь уже не таясь, я выскочил из укрытия. На ходу дважды выстрелил в ноги, попал в одну, и лазутчик стал её волочить, а затем рухнул наземь. Но лёжа, он сумел развернуться и послать пулю в меня.

Шлем с головы как ветром сдуло.

– Ингус, вперёд! – крикнул я, так как другого выхода не было. И раненая овчарка прибежала на мой зов. Ей было трудно передвигаться, но она не могла не подчиниться воле хозяина. Секунда – и Ингус впился в шею диверсанта.

Послышался шум борьбы: трещали кусты, рычала овчарка, ругался и вскрикивал от боли лазутчик.

– Убери собаку, – наконец захрипел диверсант, пытаясь руками оторвать её от себя. Но хватка у Ингуса была мёртвой.

– А Ингусу разве не больно, – хотелось мне сказать диверсанту, но я сдержался. Зачем сводить счёты? Нужно освободить лазутчика от овчарки, иначе этот поединок печально закончится для него.

– Ингус, ко мне! – овчарка медленно разжала зубы, словно сожалея, что ей не дали расправиться с диверсантом, и подошла ко мне, облизывая раненый бок.

Связав нарушителя, я снял нательную рубашку, разорвал её и перевязал овчарку.

– Отдохнём, дружок, – ласково потрепал Ингуса, – поработали хорошо. И понесём его, – кивнул я на лазутчика, – идти он не может.

